

Олег ГУБАРЬ

ОДЕССИТ — ЭТО НАЦИОНАЛЬНОСТЬ?

Этой формулировкой оперируют довольно часто и, конечно, небезосновательно, имея в виду традиционную одесскую веротерпимость, взаимную лояльность представителей разных этносов и конфессий. На самом деле, далеко не все так уж гладко и благобно складывалось здесь в сфере межнациональных отношений, как мы привыкли думать. Едва ли какой другой город Российской империи пережил столько масштабных и жесточайших погромов. Тем не менее, горожане просто вынуждены были притираться друг к другу, проявлять взаимовыручку перед лицом куда более серьезных проблем, нежели взаимная антипатия и неприязнь. Общность судьбы, проложенной сквозь войны, геноцид, репрессии, голод, катастрофические эпидемии, не могла не сплавить эту "волевою накипаем наций" в нечто совершенно неординарное.

Я хочу сказать, что "одесская национальность" — не только декоративный образ, но в значительной мере живой факт, что и собираюсь проиллюстрировать убедительными примерами. Начнем с "верхнего этажа" городского гражданства. Супругой одесского военного коменданта, а затем исполняющего обязанности градоначальника шотландца Ф.А. Кобле была украинка. Француз граф А.Ф. Ланжерон первым браком женат на русской, вторым — на немецкой. Русский граф М.С. Воронцов, как известно, сочетался браком с представительницей знатного польского шляхетского рода Браницких. В этом не было ничего экстраординарного: скажем, Л.А. Нарышкин был женат на О.С. Потоцкой, а П.Д. Киселев — на С.С. Потоцкой. Представители

французского рода Рено породнились с молдавским боярским родом Кантакузинов. С ними же породнились и французские евреи Сикары.

Капитан одесского порта американец немецкого происхождения Георг Зонтаг женился на племяннице В.А. Жуковского Анне Юшковой, а дочь от этого брака, Мария, вышла замуж за австрийского консула Гутманстала. Молдаване Стурдзы переселились с русскими Гагаринскими и одновременно с немцами Эдлингами, греки Папудовы с русскими Мартыновыми, итальянцы Амбатьелло с русскими Посоховыми и т. д. Межнациональные браки не миновали практически ни одну известную одесскую фамилию: де Рибасов, Аркудинских, Бларамбергов, Лучичей, Левшинских, Фраполли, Марини, Маразли, Ралли, Анатра, Порро, Кешко, Маркевичей, Дубинных, десятки и сотни других.

Этот список можно продолжать до бесконечности. Но при том надо помнить одно немаловажное обстоятельство. А именно то, что, согласно российскому законодательству, если один из вступающих в брак был православного вероисповедания, то дети от этого брака в обязательном порядке воспитывались исключительно в лоне православия. Брак был вообще невозможен, если один из брачующихся не принадлежал к какой-либо из христианских конфессий. Поэтому, скажем, магометане, иудеи или караимы в случае заключения брака с христианами обязаны были выкрещиваться, что рано или поздно приводило к утрате этнической самоидентификации потомства от смешанных браков. Согласно вековой иудейской традиции, выкрещенные евреи считались умершими, то есть не существ-

ующими для единоверцев, их хоронили за кладбищенской оградой.

Но, могут возразить мне, быть может, экзотические сочетания брачующихся возникали именно что на аристократическом или коммерческом олимпе, и национальное смешение не носило массового характера? Это легко проверить, проанализировав, например, старые метрические книги Спасо-Преображенского собора, Свято-Троицкой, Покровской церкви или других храмов Одессы. Если обратиться к этим чрезвычайно информативным и надежным историческим документам, мы обнаружим прелюбопытные сюжеты. Признаться, меня самого когда-то поразило обилие лиц, перешедших в православие по собственному ли желанию, но желание ли родителей, или, как бы поточнее выразиться, по особым обстоятельствам, о которых — чуть ниже.

Вот, скажем, типичная запись при крещении представителя известной фамилии, Константина Шидловского, 20 апреля 1863 года, "присоединенного из католиков к православной церкви вследствие резолюции Его Высокопреосвященства Димитрия, Архиепископа Херсонского и Одесского и Кавалера". 18 августа того же года "просвещена из евреев к православной греко-русской церкви" Роза (Ривка) Цулер, получившая при крещении имя Веры. 8 ноября 1887 года итальянец католик Палестро Дельконте женился на гречанке Елене Соломо, и вскоре их дочь Валентину крестят по православному обряду. Немецкий колонист лютеранского вероисповедания Фишер венчается с православной гречанкой Флорина в начале 1886 года, и все их дети — Клавдия, Константин, Иулия, Надежда — становятся православными.

Показательна запись о крещении "персидско-подданного караима" от 21 октября 1851 года: прежде он звался Саткан Шамуил-Якоб, а отныне стал Шивли Еммануилом. 11 ноября 1845 года "французско-подданный Александр Помер" сочетался браком с дочерью одного из самых именитых греческих негодяев Одессы Прасковей Велисарио. 25 февраля 1834 года "французско-подданный римско-католического вероисповедания Дик Куртац" женится на представительнице другой известной греческой фамилии Ирине Маврогени. 20 мая 1828 года произошло бракосочетание "выкрещенной из евреев, по крестному отцу Полуляховой Александры" с Михаилом Бонием. 13 ноября 1849 года "выкрещенная из евреев Елисавета" (девичья фамилия даже не указана) вступает в брак с греком Василием Зигони. 12 февраля 1878 года "дочь аренбургского гражданина евангелическо-лютеранского вероисповедания Елисавета Каролина Штейнберг" венчалась по православному обряду с Николаем Ангело. В целом же таких записей, фиксирующих национальное нивелирование, сотни и сотни!

Выше было говорено еще и об особых обстоятельствах перехода в православие. Что имелось в виду? Да то, что всех без исключения подкидышей, найденных, малолетних бродажек, не помнящих родства, крестили в православие, так сказать, в рабочем порядке. Согласия младенцев, разумеется, никто не спрашивал, а родители отсутствовали. И вот это мероприятие носило настолько масштабный характер, что еще за много десятилетий до образования СССР поистине сформировало советский

народ. Вот образцы всего лишь нескольких крещенских записей из метрических книг греческой Свято-Троицкой церкви. "Георгий, 2 августа 1825 года, из евреев". "Дмитрий, 25 января 1808 года, из евреев". "Иван, 28 июня 1819 года, из евреев, 12 лет". "Иоанн, 2 августа 1825 года, из евреев". "Евангели, 4 августа 1822 года, незаконнорожденный сын шляхтянки". "Мария, 20 апреля 1821 года, из армян". "Мария, 20 июля 1820 года, из евреев". "Николай, 5 мая 1829 года, сын евреев". "Петр, 19 января 1808 года, из евреев". А сколько тут неизвестной национальности "сыновей турецко-подданных"! Есть здесь "сын цыгана" и проч. И еще потрясающая запись конца 1820-х: восприемником при крещении еврейского младенца выступает одессит, сам "выкрещенный из магометанской веры"! Взаимная лояльность дошла до того, что в начале 1870-х был впервые официально зафиксирован брак исконных антагонистов — караима и еврейки ("Одесский вестник", 1873, № 35), причем церемония осуществлялась иудейским раввином.

Представляете себе, сколько наших квасных патриотов, радателей чистоты нации, то и дело насакаивающих на "безродных космополитов", не ведая того, сами носят в себе подлинно живые гены космополитизма?! Думаю, пора, наконец, распрощаться с пещерными представлениями о чьей-либо расовой или национальной исключительности, ибо давно и верно было сказано о соборности вся твари земной. Именно это цивилизующее, гуманитарное понимание единения мы и вкладываем в формулу "одесской национальности".

Аркадий КРЕЙМЕР

ЧЕТЫРЕ ТОПОЛЯ НА ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ПЛОЩАДИ

Здания, памятники, мемориальные доски, памятные знаки... В них вся история нашего родного города. Пытаюсь среди всего этого многообразия найти доску или памятный знак, посвященный ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ ТРОФИМОВСКОМУ — моему Учителю, — но, увы, не нахожу.

Шел сентябрь 1958 г. Я тогда занимался в 6 классе 117 школы, что на Ришельевской угол Жуковского. Летом произошла какая-то реорганизация нескольких школ и, соответственно, в школу пришли новые преподаватели. Директор школы Петр Павлович Богуславский привел к нам нового учителя украинского языка и литературы Владимира Ильича Трофимовского. Высокий седовласый мужчина с, как сейчас принято говорить, "брежневскими" бровями, в украинской рубашке-вышиванке, с первого дня сумел найти с нами общий язык. Это было еще то время, когда украинский учили все, и никто не выделял его из числа остальных предметов. И если преподавание украинской грамматики было в его изложении традиционным, то при изучении украинской литературы он использовал прием, с которым я нигде не встречался, хотя и сам позже преподавал в школе.

Как оказалось, Владимир Ильич был писателем. Помню первый его рассказ, опубликованный в очень популярном в те годы журнале "Работница". Назывался он "Ганка". Утекло уже много времени и я, к со-

жалению, не могу вспомнить содержание этого рассказа. Но сам факт, что наш учитель — ПИСАТЕЛЬ, был для всех нас ошеломляющим. Мы этим просто гордились. Он принес нам свои рассказы, и они вместе с произведениями, обязательными при изучении курса украинской литературы, стали нашими учебниками. И сегодня я уверен, что это для всех нас, его учеников, служило дополнительным стимулом.

Прошли годы. Я окончил школу. Не поступив с первого раза в институт, пришел в родную школу к директору, и он, зная мое отношение в школе, взял меня на работу электриком и киномехаником, а в связи с уходом преподавателя трудового обучения временно дал мне вести уроки труда. Так я оказался — правда, временно — самым молодым преподавателем города. И все мои бывшие учителя стали моими коллегами.

Мой преподаватель русского языка и литературы Владимир Антонович Кулеша, один из лучших преподавателей русской литературы в Одессе, с которым мне посчастливилось подружиться в последние годы его жизни, был близким другом Трофимовского. Благодаря этой дружбе я познакомился с биографией Владимира Ильича и стал вхож к нему в дом.

Как оказалось, в годы войны Владимир Ильич был редактором подпольной газеты. Его жена, завернув грудного сына сначала в газеты, а затем в пеленки, разносила газе-

ты по всему городу. Об их героической жизни в Одессе в годы оккупации можно прочитать и на посвященном им стенде в Историко-краеведческом музее Одессы.

Потом были встречи с Владимиром Ильичом на Приморском бульваре, где он после постигшего его инсульта ежедневно гулял. И вот что он мне рассказал:

"Переехал я в Одессу из села в 1937 году и жил на Екатерининской площади. Перед окнами голая, лишенная всякой растительности площадь. Поехал в деревню и привез 4 саженца тополя и посадил их по краям площади".

Сейчас, когда началась полная реконструкция Екатерининской площади и наконец-то на свое место возвращается памятник основателям Одессы, как бы хотелось, чтобы где-нибудь нашлось место для памятного знака: "Деревья посажены в 1939 году учителем, писателем, редактором подпольной газеты в годы Великой Отечественной войны ТРОФИМОВСКИМ В.И.". Ведь деревья тоже, оказывается, имеют историю.

Р. С. *Время быстротечно. Как оказалось, оно не пощадило и эти 70-летние тополя. Реконструкция коснулась и их. Опять, как 70 лет тому назад, осталась площадь голой. Но уверен, что на месте этих красавцев появятся молодые саженцы, и около одного из них все же появится табличка, напоминающая об истории их предков.*

Ефим Ярошевский

Между фондом и Лувром

Потом я вспомнил.

...Когда сырые влажные корочки весны нежно отклеивались от старых крепостных стен, и ветер нес облака над бульваром, а у магазинчика керамики, у "Оксамита", сладко грелись на корточках, до треска натянув тугие джинсики на бедрах, братья-художники, друзья фонда и Лувра, и в бородачках их гулял ветер (весна!), и солнышко свивало паутинку в лиловых капиллярчиках в забубенных носсах, а в сером зимнем свитере грубой вязки похожий на викингов седящий Сыч показывал рукой на погоду, и некий Суля покупал из-под полы у знакомого флейтиста киноварь и охру по сходной цене, а Маринюк нес листы показывать Шуне, Хрущик сплевывал на чистую одесскую мостовую застоявшийся зимний харчок, говоря при этом: "Пора менять макулатуру на Микельанджело...". А в это время Дюльфиг гипнотизировал продащицу с озябшими ляжками шириной груди и бицепсов и смелостью портрета, а Стрельников, похожий на Вана Клиберна, уносился по диагонали в синюю холодеющую Дерibasскую, ввысь... в это самое время Барыгин сосал мокрую лапу, и Игорек чистил штилеты и драил плащцы, выходя на прогулку из теплого продавленного дивана, светя лучом зуба... в это самое время под прохладными и замшелыми коридорами училища громили выпускника, ногами намазавшего дипломную работу голландской сажей свежим мазком, а местных абorigенов с прыщавыми лбами и потными подмышками ласкали, модерниста же куда-то не пустили и загнали обратно в имени Грекова академию училищ... в это самое время творилась легенда: возводили писсуар нового ресторана комплекса "Братислава".

И наверху, в подблочной синеве, балансируя на парашюте между жизнью и смертью (между фондом и Лувром), шел Шура Ануфриев закалять гипсовую плиту и покрывать глазурию керамическое небо. Роня белые статуэтки святых на голы прохощающие, оформлял банкетный зал, негодую на Штивельмана, Рихтер. А Миша в это время говорил: "Штивель с людьми говорит — как в дерьмо вступает... Это у него такой скользкий стиль... И кто тебе сказал, что у Артура испанская борода? Ничего подобного, обыкновенная черная изморозь на морде... И Павлов не Ницше, и Гриша не маэстро, зато Дюльфиг — Каневский...".

Бездомные поэты читали стихи в баре на Пушкинской и сочиняли дикие афиши в подвалах. Апельсиновые корки ронял с третьего этажа мальчик, и теплым весенним поносом исходили на деревьях птицы.

К вечеру в алые винные погребки спускались бледные тела озверевших от трезвости богемцев, чтобы через час взойти спелыми газовыми головками и дымными фитильками осветить вечер...